

071

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

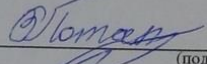
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(ФГБОУ ВО КубГУ)

Кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций

КУРСОВАЯ РАБОТА

**ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (НА
ПРИМЕРЕ "ТРЕБЛИНСКОГО АДА" В. ГРОССМАНА)**

Работу выполнил 28.04.17г. Потапович О.Е.
(подпись, дата)

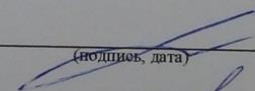
Факультет журналистики курс 2 ОФО

Направление 42.03.02 Журналистика

Научный руководитель:

Канд. филол. наук, доцент

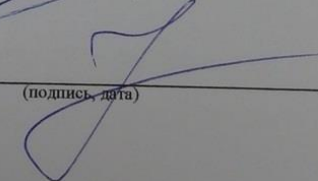
(подпись, дата)

 Болтуц. О.А.

Нормконтролёр:

преподаватель

(подпись, дата)

 Горбуненко А.Ф.

Краснодар 2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Основные аспекты развития отечественной журналистики накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	7
Глава 2. Военная публицистика В. Гроссмана.....	24
Глава 3. Очерк В. Гроссмана «Треблинский ад»: идейный замысел, проблемные вопросы, оценка историков и публицистов	30
Заключение	38
Список используемой литературы	42

Введение

Актуальность. Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории нашей страны и всего мирового сообщества, что нашло свое отражение на страницах газет и журналов. Поэтому изучению периодической печати этого периода придается большое значение. Интерес к историческим событиям безграничен, исследователи еще многие годы будут обращаться к героическим событиям Великой Отечественной войны, находя поле для исторических открытий. Редкое историческое исследование событий, явлений, фактов нового и новейшего времени обходится сегодня без обращения к материалам периодики. С появлением газет и журналов их влияние на общественную жизнь остается необычайно высоким. Закономерно, что в системе исторических источников периодическая печать занимает весьма существенное место.

Известно, что победа достигается не только оружием, но и политическим воздействием на народные массы. В целях организации отпора врагу политическое руководство Советского Союза перестроило систему идеологической работы. Ее главной задачей стало сплочение фронта и тыла, людей всех национальностей, классов и социальных групп во имя Победы. На вооружение были взяты все средства идеологического и духовного влияния на армию и население.

Важным средством идеологического воздействия на защитников Отечества стала военная пресса. В 1944 году действующая армия располагала 821 военной газетой с разовым тиражом 3 млн 195 тыс. экземпляров. Наряду с фронтовыми газетами выходили 20 журналов тиражом 1 млн 960 тыс. экз., в том числе «Агитатор и пропагандист Красной Армии», «Блокнот агитатора Красной Армии» (до 1942 года назывался «Блокнот красноармейца-агитатора»), сыгравшие большую роль в обобщении опыта политико-воспитательной работы в условиях военных действий. Большой популярностью у фронтовиков пользовался массовый иллюстрированный

литературно-художественный журнал «Красноармеец», на страницах которого печатались произведения А. Толстого, М. Шолохова, А. Твардовского, В. Шишкова и других выдающихся советских писателей и поэтов.

Значимое место среди всего многообразия писателей и публицистов военного времени занимает В. Гроссман - человек, начавший свой творческий путь в довоенный период, прошедший дороги войны в должности военного журналиста, написавший легендарную работу «Жизнь и судьба».

Среди многообразия проблем, рассматривающихся в работах Гроссмана стало изучение холокосты. И в этом ряду, несомненно, выделяется его очерк «Треблинский ад».

Целью данной работы является попытка рассмотреть основные аспекты развития военной тематики в отечественной журналистике на примере очерка «Треблинский ад» В. Гроссмана.

Для выполнения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть основные аспекты развития отечественной журналистики накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
- выделить особенности военной публицистики В. Гроссмана;
- охарактеризовать очерк В. Гроссмана «Треблинский ад»: идейный замысел, проблемные вопросы, оценка историков и публицистов.

Объектом исследования является военная тематика в отечественной журналистике на примере «Треблинского ада» В. Гроссмана.

Предмет исследования – события, явления, процессы, которые оказывали влияние на развитие военной тематики в отечественной журналистике.

Источниковая база исследования представлена рядом документов и художественным материалом.

Значимое место занимает очерк «Треблинский ад»¹. В сентябре 2014 года прошло ровно 70 лет с тех пор как был создан первый вариант

---

¹ Гроссман В. Треблинский ад // На еврейские темы: Избранное в двух томах. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. С. 144– 190.

«Треблинского ада». Этот текст писался в первую очередь для документации увиденного, о чем свидетельствуют использованные в нем типичные жанры отчета и регистрации информации: Гроссман подготовил схематический рисунок план, брал интервью у свидетелей и выживших, составил характеристику встреченных людей, регистрировал данные внимательного осмотра местности, составил сообщение о технических деталях работы и оборудования лагеря, а также хронологию событий восстания в лагере – т.е. в тексте использовались те субжанры, главной целью которых является систематизация, передача и объяснение фактов читателям.

К источникам следует отнести периодическую печать, а также нормативные документы периода Великой Отечественной войны².

Не менее ценны с источниковой точки зрения и воспоминания современников В. Гроссмана³.

Именно использование источниковедческого материала позволяет рассмотреть проблему развития военной тематики в годы Великой Отечественной войны объективно.

Степень изученности. Изучением данной тематики занимались значительное число исследований.

Первая группа работ освящала аспекты военной журналистики. Поднимались основные темы, освещаемые в годы войны, особенности работы журналиста, используемые жанры и особенности в подготовке текста⁴.

---

² Правда.1941. 17 июля; Правда.1941. 17 июля; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М. : Политиздат, 1985.С.213; Решения партии о печати: Сборник. М., 1941. С. 189-191 и др.

³ Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6-ти т., т. 6. М., 1983, с. 608; Эренбург И. Глазами Василия Гроссмана//Литературная газета». 1946. 23 февраля; Симонов К. Лагерь уничтожения // Красная звезда. 10, 11 и 12 августа 1944. № 189. С. 3; № 190. С. 3; № 191. С. 3.

⁴ Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2.С. 56; Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. пособие, хрестоматия. М. : Флинта, Наука, 2002. С. 276; Журналисты на войне. М. : Воениздат, 1966. С. 34; Жирков Г. В. Одухотворенное слово: журналистика Великой Отечественной войны: учеб. пособие по истории русской журналистики 1939–1945 годов / Г. В. Жирков. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. С. 16; Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг.: письма бойцов /сост. П. Шамес. М. : Гослитмузей, 1946. С. 34

Вторая группа починена изучению творчества В. Гроссмана и анализу его очерка «Треблинский ад»⁵. Особенностью данных работ является использование значительного числа биографического, критического и источниковедческого материала.

Таким образом, представленная тематика является актуальной и востребованной для исследования. Его изучение, несомненно, будет продолжаться в дальнейшем.

---

⁵ Хетени Жужа Достоверность нереального: столкновение факта и правды в жанровых трансгрессиях Василия Гроссмана («Треблинский ад», «Жизнь и судьба»)/Гроссмановский сборник. Наследие современного классика. Милан, 2016. С. 267; Бочаров А. Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. — М.: Советский писатель, 1990. — 384 с.

Глава 1. Основные аспекты развития отечественной журналистики накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война, длившаяся почти четыре года, явилась самым трудным испытанием для Советского государства, стала всенародной борьбой за свободу и независимость нашего народа. В секретном меморандуме о задачах войны Германии против СССР, извлеченном из архива фашистского идеолога Розенберга, говорилось: «На Востоке Германия ведет войну за осуществление трех целей: — войну за уничтожение большевизма, — войну за уничтожение великорусской империи — и, наконец, войну за приобретение колониальных территорий для целей колонизации и экономической эксплуатации...»⁶.

Все предвоенные годы советское руководство стремилось к тому, чтобы растянуть во времени этот канун войны и использовать его для повышения обороноспособности государства, для подготовки к возможной борьбе с фашизмом, антикоммунистическая направленность которого не вызывала сомнений. Ощущение войны, надвигающейся катастрофы, конечно, предчувствовали и писатели, и журналисты. Понимали и знали, что в фашистской Германии «предохранитель спущен» (так выразительно была озаглавлена одна из статей в журнале «Знамя», № 3 за 1934 г.), что вся Германия охвачена военной пропагандой, а после франкистского мятежа в Испании, финской войны, агрессивных действий милитаристской Японии суровость грядущих военных событий уже не просто угадывалась, а становилась реальностью.

Еще в 1933 году тот же журнал «Знамя» опубликовал большую статью Всеволода Вишневского «Вся ли литература готова к обороне?», в которой писатель прямо заявил: «Неизбежность нападения на нас в перспективе ясна... Опыт, дух, практика оборонной подготовки должны систематически

---

⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. матер.: в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 3. М. : Госюриздат, 1960. С. 441

пропитывать всю литературную организацию и литработу СССР»⁷. Ему вторил Алексей Сурков. Говоря на Первом съезде советских писателей в 1934 году о политической действенности стиха в печати, он сказал: «Наша молодежь выходит на демонстрации с букетами цветов в руках. Но за плечом девушки в белом платье, идущей мимо Мавзолея, покоится винтовка. И строгая тень штыка падает через плечо на мостовую, указывая линию движения... Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек»⁸.

В предвоенные годы статьи военных специалистов, журналистские очерки на темы военной подготовки начинают публиковаться даже в толстых журналах. Так, в 1938 году, начиная с № 7, «Новый мир» вводит специальный раздел «Если завтра война». «Правда» с 1936 года завела отдел «Оборона Советского Союза», где с очерками и рассказами о Красной Армии, статьями по военным вопросам выступали известные советские публицисты.

Тема военной тревоги стала одной из главных во многих периодических изданиях, и, по сути, предвоенная литература и журналистика своими статьями и очерками подготавливали острейшую публицистику военных лет.

Партийные и советские органы всегда рассматривали печать как мощное средство пропаганды и агитации и принимали все меры, чтобы использовать периодику в пропагандистской и организаторской работе в деле мобилизации трудящихся на выполнение государственных оборонных заданий, определяемых очередным партийным съездом. ЦК ВКП(б), комитеты партии на местах систематически обсуждали вопросы, связанные с работой печати, рассматривали отчеты газет, обобщали опыт лучших, принимали соответствующие рекомендации, заботились об

---

⁷ Андреев, В. Народная война. М. : Воениздат, 1959. С.194

⁸ Батов П. И. В походах и боях. М. : Воениздат, 1962. (Военные мемуары). С 515

укомплектованности редакций кадрами, проводили семинары-совещания по различным направлениям работы редакций.

Назовем (в хронологическом порядке) несколько документов, характеризующих работу партии и государства по руководству печатью в предвоенные годы. Для улучшения руководства районными газетами 13 июля 1940 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О районных газетах». У этого документа будет долгая жизнь: многие формулировки и целые абзацы перекоچуют в партийные постановления и решения, почти дословно будут цитироваться в выступлениях идеологов на собраниях с участием журналистов и редакторов⁹.

Итак, секретари партийных организаций были обязаны подбирать для газет «политически и литературно грамотных работников», «лично руководить своей местной газетой, повседневно следить за ее содержанием», редакции — «выращивать и воспитывать» рабочих и сельских корреспондентов, штатные журналисты — ограничить творческие амбиции в написании собственных материалов и, отказавшись от гонораров, сосредоточиться на переписывании хорошим русским литературным языком статей селькоров и рабкоров.

25 июля 1940 года ЦК ВКП(б) принимает постановление «О штатах областных, краевых и республиканских газет»¹⁰.

В постановлении отмечалось, что аппараты областных, краевых и республиканских газет недопустимо разбухли. Во многих редакциях газет число штатных работников достигает 120–150 человек, причем эти сотрудники сосредоточены в аппаратах редакций, отсиживаются в областных, краевых и республиканских центрах, в то время как на местах газеты либо совершенно не имеют своих корреспондентов, либо корреспондентская сеть крайне недостаточна. А это приводит к ослаблению связи газет с местными организациями, к отрыву их от партийного,

---

⁹ Решения партии о печати: Сборник. М., 1941. С. 189-191

¹⁰ Там же. С. 192-193

советского, хозяйственного актива, рабочих и сельских корреспондентов. В качестве примера неудовлетворительной работы редакций в постановлении были названы куйбышевская газета «Волжская коммуна», калининская газета «Пролетарская правда», ростовская газета «Молот»... и тульская газета «Коммунар», в которой «материалы вне редакционного актива занимают всего лишь 19 процентов, в том числе корреспонденции рабселькоров всего лишь — 1,8 процента». ЦК ВКП(б) посчитал негодной и нетерпимой практикой, «когда страницы газеты заполняются... корреспонденциями штатных сотрудников редакционного аппарата, что противоречит традициям большевистской печати».

7 сентября 1940 года Совнарком СССР принял специальное постановление «О центральных отраслевых газетах»¹¹.

К этому времени в стране выходило 23 издания подобного типа, и лишь 6 из них обслуживали промышленность. Многие отраслевые газеты дублировали общеполитические издания, публикуя статьи общего характера; мало занимались конкретными производственными вопросами. Газеты «Индустрия», например, была органом 7 наркоматов, «Машиностроение» — 8. Совнарком потребовал от редакций центральных отраслевых газет решительно повернуться к обслуживанию соответствующих их профилю отраслей народного хозяйства. С 1 октября в Москве начали издаваться 8 новых отраслевых газет наиболее важных для развития промышленности наркоматов: «Угольная промышленность», «Нефть», «Промышленность стройматериалов», «Бумажная промышленность» и др.

К концу 1940 года в Москве выходило 30 отраслевых газет. Их тираж колебался в пределах 40–80 тыс. экземпляров¹². Выходило в стране и 159 производственно-технических журналов, а кроме того, — множество ведомственных бюллетеней. На эту официальную, малотиражную,

---

¹¹ О партийной и советской печати: сб. докум. М. : Правда, 1954. С. 484–485

¹² Жирков Г. В. Одухотворенное слово: журналистика Великой Отечественной войны: учеб. пособие по истории русской журналистики 1939–1945 годов / Г. В. Жирков. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. С. 16

карманную печать тратилось немало средств. Вот почему в тот же день, 7 сентября, Совнарком принял постановление «О ведомственных журналах и бюллетенях», направленное на сокращение разросшейся сети этих изданий и улучшение работы оставшихся¹³.

Начавшаяся война сразу же изменила весь облик советской печати: более чем в два раза сократилось число центральных газет — до войны их было 39, а осталось 18. Перестали выходить многие центральные отраслевые газеты, значительно сократилось число местных изданий, в том числе многотиражных газет. Кроме «Комсомольской правды» и ленинградской «Смены» летом 1941 года были закрыты все комсомольские газеты, а республиканские, краевые и областные партийные издания стали выходить пять раз в неделю на двух полосах. Двухполосными с 1942 года стали и районные газеты, переведенные на еженедельный выпуск. Сокращению объема подверглась даже главная газета страны «Правда», выходившая в годы войны вместо шести на четырех полосах. В связи с необходимостью более оперативной передачи событий на фронте и в тылу, постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 года было создано Советское информационное бюро.

В задачу Совинформбюро вменялась подготовка оперативной и правдивой информации не только для советских людей, но и для зарубежных стран. В постановлении отмечалось, что Советское информационное бюро осуществляет: «а) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; б) организацию контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; в) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного Командования»¹⁴.

---

¹³ О партийной и советской печати: сб. докум. М. : Правда, 1954., С. 486–487

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М. : Политиздат, 1985.С.213

25 июня в советской печати появилась первая сводка Совинформбюро, а всего за годы войны их было передано свыше двух с половиной тысяч — ежедневных сводок и сообщений «В последний час»¹⁵.

29 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли специальную директиву, с которой обратились к партийным и советским организациям прифронтовых областей (идеи директивы будут изложены и развиты в речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.).

В этой директиве партия дала развернутую программу борьбы с врагом, раскрыла захватнические цели германского империализма, направленные на уничтожение Советского государства, восстановление в СССР власти помещиков и капиталистов, порабощение всех народов нашей страны. Главное политическое управление Красной Армии, определяя содержание военных газет, указало на основные задачи печати (директива ГлавПУРа «О содержании фронтовой, армейской и дивизионной печати»): — разъяснение постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 года о замыслах гитлеровской клики и программе мобилизации сил советского народа на борьбу с врагом; — мобилизация воинов на выполнение приказов и воспитание у них уверенности в победе над врагом; — воспитание героизма, боевого мастерства; — пропаганда требований военной присяги, борьба за укрепление военной дисциплины. Выходившие ежедневно два раза в сутки (утром и вечером) сообщения Совинформбюро стали неотъемлемой и необходимой частью жизни народа. По ним с напряженным вниманием люди следили за ходом сражений на фронте.

Действительно, в экстремальных условиях начавшейся войны «Сообщения Совинформбюро» и рассказы из «Боевых эпизодов» зачастую представляли собой причудливое сочетание реальных фактов и вымысла, подлинных событий и пропагандистских штампов. Происходило это, видимо, в силу противоречивости задаваемых сверху партийных установок, творческой неэффективности пропагандистских усилий тогдашних

---

¹⁵ Волковский, Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб.: Полигон, 2003. С. 375

идеологов, а может быть, и в силу инерции: в нашей политико-воспитательной работе всегда было больше формализма, чем здравого смысла.

Положение журналистов усугублялось и «неотвратимым» указанием политического руководства: писать можно только о том, что мобилизует людей на борьбу с врагом; ни в коем случае не показывать картины отступления, эвакуации, беженцев, следы поражений в боях — словом, любой факт, свидетельствующий о наших военных неудачах, неуместен и вреден. Тем не менее, неэффективная на начальном этапе войны пропагандистская работа, и прежде всего газетная пропаганда, которая считалась наиболее важным средством информационно-психологического воздействия, достаточно быстро, что называется, на ходу, перестроилась и в целом смогла учитывать настроения, ожидания, иллюзии и устремления советских людей на фронте и в тылу.

Первостепенная задача печати состояла в развенчании мифа о том, что «немцы непобедимы». И газеты дали свой ответ — Красная Армия разобьет врага, победа будет за нами. Следует отметить, что структура газет, порядок опубликования и место расположения на полосе сообщений Совинформбюро, других официальных материалов регламентировались директивными партийными указаниями. Начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров в статье военного времени «Уважение к действительности» писал: «В газете мы сперва читаем сводку, потом военные корреспонденции, очерк, потом — рассказ или повесть. Так вовлечены люди в реальность войны, так все мы этим живем, что трудно даже представить себе другую направленность, другую последовательность внимания»¹⁶.

9 августа 1941 года ЦК ВКП(б) принимает постановление «О работе на фронте специальных корреспондентов». В постановлении отмечалось, что работа специальных военных корреспондентов центральных газет и ТАСС

---

¹⁶ Октябрь. 1942. № 10. С. 112

имеет ряд существенных недостатков: «Корреспонденты большую часть времени проводят при штабах фронтов и армий и очень мало бывают непосредственно в частях и соединениях... Корреспонденты не получают необходимой помощи в передвижении по фронту и в деле связи со своими газетами. Имеют место факты, когда командированные на фронт корреспонденты центральных газет и ТАСС прикрепляются политорганами к фронтовым или армейским газетам... вследствие чего страдает выполнение корреспондентом своей основной функции — снабжение военной информацией центральной печати». Отметив, что подобные недостатки отрицательно сказываются на содержании и характере военной информации, ЦК партии постановил обязать Главное политическое управление Красной Армии: «а) принять меры к немедленному исправлению указанных недостатков в работе специальных военных корреспондентов центральных газет и ТАСС; б) дать указания всем политорганам Красной Армии о всемерном содействии с их стороны работе военных корреспондентов»¹⁷.

ЦК ВКП(б) уделял большое внимание укреплению связи фронта и тыла, видя в этом важнейший фактор повышения морального духа воинов и всех советских людей. Принятое в октябре 1941 года постановление «О мерах ускорения доставки писем на фронт» обязывало наркомат связи, военкомов соединений и частей обеспечивать отправку корреспонденции в день ее поступления в полевые и почтовые отделения, добиваться немедленной доставки почтовых отправок бойцам и командирам. После этого решения работа почты значительно улучшилась. Задачам мобилизации масс на отпор врагу была подчинена и наглядная агитация.

27 июня 1941 года в Москве впервые появились красочные плакаты с текстом. Это были «Окна ТАСС», возродившие славные традиции знаменитых «Окон РОСТА» времен Гражданской войны. Они сразу завоевали огромную популярность и стали распространяться по всей стране. Широкое распространение получили коллективные читки газет,

---

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М. : Политиздат, 1985. С. 232

проводившиеся агитаторами. В цехах предприятий, на полевых станах, в тракторных бригадах, в госпиталях, поездах, красных уголках вокруг агитаторов с газетами всегда собирались группы людей. «Правда» писала: «Слово агитатора должно звучать в наши дни, как набатный призыв к защите Родины, к уничтожению врага»¹⁸.

На основе изучения опыта функционирования печати первых месяцев войны можно с полным основанием утверждать, что боевая мобилизующая сила печати была использована партийными организациями сполна. Газеты, журналы, многотиражные и стенные газеты, «газеты-молнии», листовки, «Окна ТАСС», брошюры и плакаты вели огромную политическую работу по воспитанию советского патриотизма, укрепляли уверенность в победе, помогали даже в период самых тяжелых лишений и тягот не терять надежды, воспевали стойкость и мужество. Печатные издания стали рупором, верным другом, боевым оружием в борьбе за свободу и независимость Родины.

Ведущее место в пропаганде заняла конкретная призывная лаконичная агитация. Это определило и основные формы подачи материалов на газетной странице: тематические подборки по определенному вопросу; передовая статья на злобу дня; коллективные обращения, телеграммы; боевая корреспонденция; целенаправленная информация.

В итоге проведенных мер по сокращению числа изданий к 1942 году в стране осталось 4560 газет (для сравнения: в 1940 г. их было около 9000) с общим тиражом 18 млн. экземпляров (было 38 млн.)¹⁹.

В годы Великой Отечественной войны газета стала самым влиятельным и практическим организатором литературного процесса, главным посредником между писателем и читателем. Почти все, что было создано во время войны писателями — очерки, поэмы и лирические стихи, пьесы и повести, — увидело свет на газетных полосах. И уже с первых дней на страницах газет определились главные темы военной журналистики:

---

¹⁸ Правда.1941. 17 июля

¹⁹ Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2.С. 56

Родина, ненависть, героизм. Писатель Пётр Павленко, работавший военным корреспондентом в «Красной звезде», говорил, что газета на фронте представляла собой тот обязательный паёк духовной пищи, тот неприкосновенный запас бодрости, без которого советский солдат не обходился в самые безрадостные часы тяжелых испытаний. Уже в первый же день войны более 150 московских писателей и журналистов попросились добровольцами на фронт, в действующую армию. Писатель А. Фадеев принес в военкомат длинный список литераторов-добровольцев. Даже пожилые литераторы, давно снятые в военкоматах с учёта, стремились попасть на фронт. Писателя К. Паустовского начало войны застало в Одессе. Он выехал в район боёв и подготовил одну из первых публицистических статей, которая была напечатана в газете «Защитник Родины»²⁰.

24 июня 1941 года на фронт отправились первые добровольцы-писатели: Б. Горбатов — на Южный фронт, А. Твардовский — на Юго-Западный, Е. Долматовский — в газету 6-й армии «Звезда Советов», К. Симонов — в газету 3-й армии «Боевое знамя». Следует отметить, что уезжающих на фронт добровольцев-литераторов зачисляли в газеты или политотделы Красной Армии военными корреспондентами. Должность «писатель» в штате газет появится только в 1942 году, когда Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главное политическое управление примут положение «О работе военных корреспондентов на фронте». Военными корреспондентами газеты «Правда» («Правда» имела на фронтах около 40 военкоров..) стали М. Шолохов (здесь им были написаны очерки «На пути к фронту», «Наука ненависти», «Первые встречи», «Люди Красной Армии», «На Смоленском направлении», «Военнопленные», а позже — рассказ «Судьба человека», роман «Они сражались за Родину»), В. Катаев (во время войны опубликованы его рассказы «Третий танк», «Флаг», повести «Жена», «Сын полка», пьесы «Отчий дом», «Синий платочек»), Б. Полевой («Повесть о настоящем человеке»), Б. Горбатов («Непокоренные»), А.

---

²⁰ Солдаты слова: рассказывают ветераны советской журналистики. М. : Политиздат, 1976.С. 456

Корнейчук («Фронт»), П. Лидов («Таня», «Кто была Таня»), В. Кожевников (во время войны опубликованы сборники его рассказов и очерков «Тяжелая рука», «Март-апрель», «Рассказы о войне», «Дом без номера», «Труженики войны») и другие²¹.

В «Красной звезде» военными корреспондентами служили известные писатели П. Павленко, А. Платонов, Н. Тихонов, Ф. Панферов. С этой газетой связали свою творческую судьбу и военную биографию К. Симонов (автор романов и повестей «Дни и ночи», «Солдатами не рождаются», «Живые и мертвые», «Последнее лето»), В. Гроссман (в 1942 году в газете была напечатана его повесть «Народ бессмертен», автор романов «За правое дело», «Жизнь и судьба»), А. Сурков²².

В первые месяцы войны в газете «Во славу Родины» Южного фронта работали С. Михалков, Б. Горбатов, написавший здесь свои знаменитые «Письма к товарищу». С «Ленинградской правдой» сотрудничали В. Вишневский, Н. Тихонов, О. Берггольц. Другой маститый художник слова, автор романа «Угрюм — река» В. Шишков, вдохновенно писал для ленинградской газеты публицистические статьи, очерки, правил солдатские письма. В составе литературной группы Совинформбюро работали многие известные советские писатели и журналисты: Вс. Иванов, В. Инбер, Б. Лавренев, Л. Леонов, А. Новиков-Прибой, П. Павленко, Е. Петров, Л. Сейфуллина, С. Сергеев-Ценский, А. Толстой, К. Тренёв, А. Фадеев, К. Федин, К. Чуковский, М. Шагинян, М. Шолохов, И. Эренбург и многие другие²³.

Всего в действующей армии служило около тысячи писателей. И с первого дня войны они начали создавать коллективную летопись великого подвига народа. Писатели и поэты, отдавая Родине свой талант и духовный потенциал, сражались в первом эшелоне. Их очерки и рассказы, стихи и песни, публицистические статьи, памфлеты и фельетоны читались в

---

²¹ Советская военная печать: ист. очерк / под ред. И. А. Портянкина. М. : Воениздат, 1960. С. 45

²² Солдаты слова: рассказывают ветераны советской журналистики. М. : Политиздат, 1976. С. 89

²³ Огненные годы: публицистика Великой Отечественной войны . Л. : Лениздат, 1985. С345

траншеях и землянках, в тылу врага, госпиталях и в цехах военных заводов. Сердца воинов согревал рассказ Алексея Толстого «Русский характер», публицистические очерки Николая Тихонова, песни Джамбула. Шолоховская «Наука ненависти» вела воинов в атаку. По тернистой солдатской дороге вместе с бойцами шли в бой Василий Тёркин Твардовского, люди в матросских бушлатах и бескозырках Леонида Соболева и Всеволода Вишневского. У походного костра звучала «Землянка» Суркова, стихи Симонова «Жди меня», лирические песни Исаковского. При тусклом свете коптилки фронтовики читали в блиндажах в часы затишья душевные «Письма товарищу» Бориса Горбатова²⁴.

Слово писателей и журналистов ободряло уставших, звало вперёд, поднимало моральный дух, укрепляло уверенность в победе. Особенно трудно работалось военкорам в первые месяцы войны. Но даже в то сложное время отступления публицистам удавалось находить самые проникновенные слова, в многочисленных заметках и статьях убедительно объяснять бойцам и населению оккупированных территорий, что отступление — явление времени, что необходимо время для наращивания военной мощи, что наше дело правое и победа будет за нами²⁵. Подобные публикации удесятряли силы бойцов и в идеологическом аспекте были крайне необходимы, поскольку в переломный момент войны было очень важно сохранить веру, надежду и выдержку²⁶. Мобильный «писательский корпус» всегда находился в центре важнейших событий войны. Военкоры участвовали в битвах за Москву и Ленинград, на плацдармах Сталинградского сражения и на Курской дуге. Вместе с войсками форсировали Днепр и Дунай, Вислу и Одер, прошли тысячи километров с боями по землям Украины, Белоруссии, Прибалтики. Они входили в Киев и Минск, Ригу и Таллин, Харьков и Смоленск, прошли по улицам Варшавы, Будапешта, Кёнигсберга, Праги,

---

²⁴ Советская военная печать: ист. очерк / под ред. И. А. Портянкина. М. : Воениздат, 1960. С. 456

²⁵ Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг.: письма бойцов / сост. П. Шамес. М. : Гослитмузей, 1946. С. 34

²⁶ Огненные годы: публицистика Великой Отечественной войны. Л. : Лениздат, 1985. С. 234

Бухареста, Вены и других европейских городов, куда советская армия принесла освобождение от фашизма²⁷.

Журналисты, шагая с действующей армией по фронтовым дорогам, запечатлели на страницах газет и журналов реалистичную хронику самой страшной и великой войны, показали путь солдата — труженика войны, величие его подвига, запечатлели крушение мощи гитлеровской Германии²⁸.

Всего на фронтах Великой Отечественной войны работало 943 писателя. Из них — 225 погибли (почетный президент Объединения ветеранов журналистики России Валентин Мякушков называет цифру погибших в 471 человек.), 300 — награждены орденами и медалями СССР²⁹.

Высокими правительственными наградами были отмечены редакционные коллективы «Правды», «Комсомольской правды», белорусской республиканской газеты «Звезда». Орденом Красного Знамени были награждены газеты: «Красная звезда», «Советская Армия» (в военные годы «Красная Армия» — орган Юго-Западного фронта), газета Краснознамённого Черноморского флота «Красный черноморец», ставшая позднее издаваться под названием «Флаг Родины». Орден Красной Звезды увенчал армейский журнал «Красноармеец», центральную авиационную газету «Сталинский сокол», газету Закавказского военного округа «Боец РККА» (впоследствии «Ленинское знамя»), газеты «Фронтальная правда» (издание Северной группы войск), «Сталинский удар» (65-я армия), «Кутузовец» (1-я Краснознамённая Брестская стрелковая дивизия), газету Прикарпатского военного округа «Слава Родины».

Мы уже отмечали, что в первые дни войны газетам пришлось перестраиваться: сказывались отголоски прежних представлений о легкой

---

²⁷ Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С 34

²⁸ Огненные годы: публицистика Великой Отечественной войны. Л. : Лениздат, 1985. С. 34

²⁹ Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. пособие, хрестоматия. М. : Флинта, Наука, 2002. С. 276

победоносной войне, не сразу изживались настроения самоуспокоенности, благодушия, недооценки опасности, нависшей над страной³⁰.

Надо учесть, что в 1939 году в стране запретили всякую антифашистскую пропаганду. Виновниками начавшийся Второй мировой войны советская партийная пропаганда именовала «империалистических агрессоров» Францию и Англию, выступивших против дружественной нам тогда Германии. Лишенные антифашистской прививки, одурманенные классовой пролетарской теорией, многие советские читатели и в первые дни войны продолжали думать, что немецкие рабочие, оказавшись на территории СССР, тут же повернут свое оружие против ээсовцев.

Вот почему так важны были для понимания ситуации, в которой оказался советский народ, первые статьи в периодической печати, раскрывающие истинное лицо фашизма, злобного, жестокого и опасного врага. 23–26 июня в газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда» печатаются первые, продиктованные чувством патриотизма, отклики на войну известных советских писателей: стихи, очерки, публицистические статьи А. Толстого («Что мы защищаем»), И. Эренбурга («Фашистское мракобесие», «Гитлеровская орда»), Л. Соболева («Отстоять Родину!»), «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «Песня смелых» А. Суркова, других литераторов и журналистов³¹.

В соответствии с задачами пропаганды в военное время (мобилизация и социализация населения) идеологический аппарат представлял собой четкую пирамиду: без одобрения секретариата ЦК партии Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) не принимало ни одного серьезного решения. Все директивы, направляемые сверху вниз, выполнялись беспрекословно, в силу их неоспоримости. И даже формы, методы, направления и жанры периодической печати задавались на самом высоком государственном уровне. Тотальный контроль над прессой в годы войны был оправдан

---

³⁰ Советская военная печать: ист. очерк / под ред. И. А. Портянкина. М. : Воениздат, 1960. С. 67

³¹ Журналисты на войне. М. : Воениздат, 1966. С. 78

всеобщей мобилизацией государства, материально-техническими, кадровыми условиями состояния печати. И в большей степени — недоверием ЦК к партийным комитетам на местах, которые, решая множество важнейших каждодневных задач, не могли уделять печати должного внимания по причине отсутствия у большинства местных идеологов необходимых профессиональных компетенций и «вторичности» проблем самой печати. Только этим можно объяснить, что районными, городскими и областными комитетами партии на местах по вопросам печати в годы войны не было принято ни одного самостоятельного решения. И всё же, оценивая опыт работы печати в годы Великой Отечественной войны, можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на разруху и голод, несовершенную материально-техническую базу типографий, редакций, систему распространения печати, люди, работавшие в газетах и на радио, проявляя величайшие изобретательность, мужество и самоотверженность, продолжали выполнять свой профессиональный журналистский долг³².

Очевидно и то, что наиболее эффективными оказались не столько партийно-политические решения, сколько сами реалии войны. После войны произошла существенная перестройка средств массовой информации. 20 июня 1945 года ЦК ВКП(б) издал первое послевоенное постановление «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет». Этот документ, определив ближайшие цели отечественной журналистики, послужил основой для перспективной правительственной политики в области СМИ. Очередным постановлением 15 июля 1945 года ЦК ВКП(б) ввел четырехполосный стандарт для республиканских и областных газет³³. Повысились требования и к качеству публикуемых материалов. Прессе вменялось в прямую обязанность публиковать статьи о решающей роли ВКП(б) и лично товарища Сталина в работе по восстановлению экономики страны, по возрождению разрушенных городов и сел. От

---

³² Журналисты на войне. М. : Воениздат, 1966. С. 34

³³ Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С. 67

редакций требовалось расширить информацию о жизни Советского Союза, краев и областей, больше публиковать материалов по проблемам промышленности, сельского хозяйства и культуры, уделять более пристальное внимание работе среди населения.

В постановлении определялась не только основная проблематика газет, но обращалось внимание и на их оформление, на использование различных газетных жанров³⁴.

В структуре редакций восстанавливались отделы партийной жизни, пропаганды, промышленности и транспорта, сельского хозяйства, культуры и быта, писем трудящихся, внутренней информации.

В связи с увеличением объема газет и созданием новых отделов возрос штат редакций, стало больше собственных корреспондентов. В июле-августе 1945 года ЦК партии проводит серию проверок по выполнению редакциями «своего» постановления. При каждой проверке принимаются решения или развернутое постановление «О мерах по улучшению...». Недостатки в деятельности газет прежние — оторванность редакций от местных партийных и советских организаций, бессистемное и поверхностное освещение вопросов партийной жизни и т. д. В послевоенные годы открываются новые отраслевые, областные и городские газеты, началось восстановление молодежных изданий. Партийные решения принимаются почти по всем типам изданий: центральным, республиканским, краевым, областным, городским и районным. Главная идея постановлений — газеты должны стать «боевыми органами политического воспитания масс», важнейшим средством «партийного руководства массами». С 28 июня 1946 года начинает выходить газета «Культура и жизнь» — орган Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)³⁵.

За 5 лет существования этого самого идеологизированного издания послевоенной советской журналистики на его страницах были подвергнуты

---

³⁴ Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С. 77

³⁵ Журналисты на войне. М. : Воениздат, 1966. С. 55

критике десятки газет, и как следствие — уволены десятки редакторов. Не осталось без внимания партии и радиовещание. 27 января 1947 года ЦК ВКП(б) принял постановления «О мерах по улучшению Центрального радиовещания», направленное на повышение качества передач, усиление их роли в политическом и культурном воспитании трудящихся. Для теле— и радиожурналистов с апреля 1946 года начал выходить ежемесячный журнал «Радио».

Советская журналистика, сняв солдатскую шинель, осталась в рамках продолжавшей существование мобилизационной идеологической модели.

Глава 2. Военная публицистика В. Гроссмана

Одним из выдающихся писателей и публицистов советского периода является Василий Семенович Гроссман. В данной работе рассмотрим основные аспекты его творчества как военного публициста в годы Великой Отечественной войны.

Он был невоеннообязанным, еще в Донбассе у него начал развиваться туберкулезный процесс. Но он считал себя обязанным перед Родиной. 2 июля в «Известиях» появляется его статья «Готовность к подвигу», 12-го — «Коричневые клопы», призывавшая уничтожить паразитов, которые расползлись по Европе, облепили села, рыбацьи поселки, поганят женщин и девушек, убивают юношей и стариков.

А 5 августа 1941 года, назначенный собственным корреспондентом «Красной звезды», он уже выехал на Центральный фронт под Гомель вместе с П. Трояновским и фотокорреспондентом О. Кноррингом. Вот как вспоминал об этом тогдашний редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг: «В первую нашу встречу Гроссман показался мне совсем не приспособленным к войне. Выглядел он как-то не по-военному. И гимнастерка в «морщинах», и очки, сползавшие к кончику носа, и пистолет, висевший топором на незатянутом ремне... Я побоялся послать его одного в боевые части и поручил Трояновскому «вывезти» его на фронт... Трояновский рассказывал мне потом, как проходило «боевое крещение» Гроссмана, о его бесстрашии и непоколебимости под огнем». В. Гроссман же вечером накануне отъезда в своей первой военной записной книжке заметил с юмором, в котором нет ни грама тревоги: «Я старше их обоих годами, но совершенное дитя по сравнению с ними в делах войны, им доставляет вполне законное удовольствие объяснять мне предстоящие страхи»³⁶.

---

³⁶Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6-ти т., т. 6. М., 1983, с. 608

Уже 8 августа была напечатана первая корреспонденция «Герои Советского Союза партизаны Бумажков и Павловский», а 17 августа — «Герой Советского Союза Каменьщиков».

Гроссман был свидетелем уничтожения Гомеля немецкой авиацией. Эта потрясшая его драма города была затем воссоздана в повести «Народ бессмертен» (глава «Смерть города»). Из записной книжки вошла в эту главу та художественная деталь, в которой выразился пафос всей его военной публицистики: тотальное насилие посягнуло на всю живую жизнь. Посреди вселенского сплошного огня в фокусе оказался взор умирающей лошади (в записной книжке фраза: «В глазах раненой коровы картина пылающего Гомеля»): «Темный, плачущий, полный муки зрачок лошади, словно кристальное живое зеркало, вобрал в себя пламя горящих домов, дым, клубящийся в воздухе, светящиеся, раскаленные развалины и этот лес тонких, высоких печных труб, который рос, рос на месте исчезавших в пламени домов». По первым корреспонденциям и заметкам в записной книжке видно, как тщательно, по-инженерски дотошно вникал Гроссман в тактику, технологию, стратегию — да и лексику — войны и как быстро становился он серьезным военным журналистом, которого редакция стала все чаще посылать на ударные участки фронта³⁷.

Зиму 1941/42 года Гроссман работал на Юго-Западном фронте. Вспоминая его творчество во время войны, Б. Галин заметил: «Меня всегда поражало это его умение не ссылаться на узкие места фронтовой работы писателя, хотя он был корреспондентом, каких были десятки, а может быть и сотни по занимаемой должности, его внимание к подробностям, от которых обычные газетчики, к которым принадлежу и я, отходят, полагая, что это нечто неглавное, а он всегда умеет находить в этих как будто боковых подробностях чрезвычайно интересный свой угол зрения, который позволяет ему несколько шире показать то, о чем он хочет сказать и написать»³⁸.

---

³⁷ Бочаров А. Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. — М.: Советский писатель, 1990. С. 56

³⁸ Там же. С. 67

8 февраля 1942 года в «Красной звезде» был опубликован его первый военный рассказ «Старик». Старик пчеловод не пошел в партизаны: «Какой из меня воин? Не та во мне природа. Мне лошадь кнутом ударить совестно. Сердце у меня мягкое». А потом, когда немцы все порушили и — главное — осквернили, старик во время боя при отступлении фашистов увидел, как немецкий солдат застрелил и соседку Галю Якименко, тащившую раненого, и самого раненого³⁹.

Неоднократно печатавшиеся небольшими подборками и недавно изданные почти в полном виде в библиотеке журнала «Знамя» (редакция все же сочла нужным снять кое-какие «мрачные», по ее мнению, факты), записные книжки Гроссмана сами по себе представляют историческую ценность: в них запечатлены детали, штрихи, факты народной беды, народного терпения, народного торжества. Записные книжки были для писателя и его лирикой, и его эпосом, и его летописью; они дают возможность узнать честную «деловую» правду о войне, ее светлых и черных, горьких и радостных, трагичных и сдобренных солдатской шуткой страниц⁴⁰. Но из торопливо, наспех записанных заметок и бесед выростали и многие очерки, и проза военных — а там и послевоенных — дней.

В начале лета 42 года редакция дала корреспонденту писателю короткий отпуск, и уже в июле в «Красной звезде» стали появляться трехколонники повести «Народ бессмертен» — первой значительной повести в советской прозе военного периода⁴¹.

Очерки и корреспонденции первого года войны были для Гроссмана своего рода школой и журналистики, и проникновения в суть современной войны. Итогом постигнутого в школе стала повесть «Народ бессмертен», печатавшаяся в газете как раз в то время, когда развертывалось летнее немецкое наступление. 12 августа 1942 года в газете была опубликована финальная глава повести, а 21-го уже появился его очерк «На Волге» («Волга

---

³⁹ Там же. С. 69

⁴⁰ Там же. С. 78

⁴¹ Там же. С. 89

— Сталинград») — за два дня до того немецкого бомбового удара, с которого началось тотальное уничтожение города. Высшая точка войны стала и высшей точкой фронтовой очеркистики Гроссмана. Не будь битва на Волге столь кровавой и трагической, можно было бы возгласить, что сталинградские очерки стали звездным часом военного творчества Гроссмана. Но едва представишь кровавую цену этой битвы, слова о звездном часе кажутся неуместными⁴².

Сила и своеобразие его сталинградского цикла — во внутреннем контрасте между драматизмом происходящего и обстоятельностью, «объективностью» повествования: характеры, неторопливо проявляющие себя в острейших трагических ситуациях, психологический анализ там, где, казалось, способны убеждать только героические поступки, вдумчивый разбор ситуаций, не дававшийся подчас даже опытным штабникам. «Удача Гроссмана, — писал И. Эренбург, имея в виду сталинградские очерки, — объясняется его природой: в обороне Сталинграда он нашел свою тему, своих героев, войну без блеска, без киплинговской или подкиплинговской романтики, угрюмую, тяжелую, честную войну»⁴³.

Очерки цикла воздействуют на читателя не каким-либо одним особо выразительным, исключительным фактом, а сплетением множества деталей, эпизодов, оттенков; автор не страшит читателя, не наделяет героев восторженными эпитетами, а до скрупулезности обстоятельно показывает, из чего слагается подвиг. Кажется несовместимым: подвиг — и быт, крошечный ад круглосуточной битвы — и неторопливость. Но в этом и заключена суть народного подвига, суть массового героизма: его не исчерпать в одном порыве, не свести к одному проявлению, не отделить от всего бытия⁴⁴. Есть в искусстве такая закономерность: смех наиболее действен, когда рассказчик серьезен, а драма потрясает особенно сильно, когда рассказчик сохраняет внешнее спокойствие. Эту закономерность и

---

⁴² Там же. С. 67

⁴³ Эренбург И. Глазами Василия Гроссмана. — «Литературная газета», 1946, 23 февраля

⁴⁴ Бочаров А. Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. — М.: Советский писатель, 1990. С. 67

реализует писатель. В его очерках неотрывно взаимодействуют — не противодействуют, а именно взаимодействуют — авторский лиризм и авторское стремление максимально сдерживать свои эмоции, передавая драматическую суть события в самом образном строе фразы⁴⁵.

Очерк «Сталинградская битва» воспроизводит во всех подробностях боевую судьбу дивизии Родимцева: с момента страшной волжской переправы и до той поры, когда позади осталась кровопролитнейшая атака на господствующий над местностью Мамаев курган, когда дивизия овладела искусством штурмовой борьбы мелких групп, когда в полной мере выявили себя «дивизионный патриотизм» и зрелость мысли командиров, когда все подразделения вошли в ритм битвы. После такого подробного описания художественно убедителен и весом обобщающий вывод о своеобразии всей Сталинградской битвы: «Здесь сочеталось огромное стихийное столкновение двух государств, двух борющихся на жизнь и смерть миров с математической, педантически точной борьбой за этаж дома, за перекресток двух улиц; здесь скрестились характеры народов и воинская умелость, мысль, воля; здесь происходила борьба, решающая судьбы мира, борьба, в которой проявлялись все силы и слабости народов: одного — поднявшегося на бой во имя мирового могущества, другого — вставшего за мировую свободу, против рабства, лжи и угнетения»⁴⁶.

Собственно говоря, все очерковое творчество Гроссмана 1943—1945 годов составляет своеобразные циклы, соответствующие крупным сражениям войны. Один из них так прямо и называется «Дорога на Берлин» и содержит четыре очерка, имеющих дополнительные подзаголовки: «Москва — Варшава», «Между Вислой и Одером», «В провинции Бранденбург», «Сила наступления». «Читал твою статью из серии «Дорога на Берлин», где о тех, что не дошли. Очень хорошо и очень по-твоему, что меня всегда радует

---

⁴⁵ Там же. С. 69

⁴⁶ Там же. С. 79

даже в газетных твоих статьях», — писал ему Твардовский в апреле 1945 года.

Начав войну штатским «несмышленьшем», Гроссман закончил ее крупным и вдумчивым журналистом, способным создавать такие аналитические очерки, как «Мысли о весеннем наступлении», «Стратегия победы» и огромный, печатавшийся в пяти номерах газеты очерк «Советский офицер». В нем рассказывалось о жизненном пути и боевой деятельности генерал-майора танковых войск А. Х. Бабаджаняна — талантливого советского полководца. Очерк недаром имел такое обобщающее название: в судьбе одного офицера писатель пытался раскрыть основные качества всей советской полководческой школы.

Глава 3. Очерк В. Гроссмана «Треблинский ад»: идейный замысел, проблемные вопросы, оценка историков и публицистов

Несколько особняком стоит в этом ряду очерк «Треблинский ад» — о немецком лагере уничтожения. То было первое по-журналистски скрупулезное и по-писательски пронзительное свидетельство о дьявольском механизме истребления людских масс. В виде брошюры очерк распространялся на Нюрнбергском процессе.

В сентябре 2014 года прошло ровно 70 лет с тех пор как был создан первый вариант «Треблинского ада». Этот текст писался в первую очередь для документации увиденного, о чем свидетельствуют использованные в нем типичные жанры отчета и регистрации информации: Гроссман подготовил схематический рисунок план, брал интервью у свидетелей и выживших, составил характеристику встреченных людей, регистрировал данные внимательного осмотра местности, составил сообщение о технических деталях работы и оборудования лагеря, а также хронологию событий восстания в лагере — т.е. в тексте использовались те субжанры, главной целью которых является систематизация, передача и объяснение фактов читателям.

Важность сообщения Гроссмана, вышедшего в сентябре 1944 года, — в отличие, например, от более ранней публикации материала о лагере в Майданеке К. Симоновым в августе⁴⁷, — состоит в том, что Треблинка-2, настоящий лагерь смерти, к этому времени был уничтожен немцами.

А уже через год свидетельство Гроссмана стало одним из документов Нюрнбергского процесса и после мировой известности и перевода на множество языков обрело особую значимость в наши дни, препятствуя ревизионистам Холокоста⁴⁸, тем, кто пытается отрицать существование этого лагеря, оспаривать его масштабы и число жертв, в нем уничтоженных.

---

⁴⁷ Симонов К. Лагерь уничтожения // Красная звезда. 10, 11 и 12 августа 1944. № 189. С. 3; № 190. С. 3; № 191. С. 3.

⁴⁸ Mattogno C., Graf J. Treblinka: Extermination Camp or Transit Camp? / Trans. by Belser R. Holocaust Handbook Series. Vol. 8. Chicago: Castle Hill Publishers, 2004.

Поводом для нападок становятся ошибки Гроссмана в числе убитых (они присутствовали в первом, но исправлены в более поздних изданиях). Гроссман в начале действительно преувеличил число погибших с 750 тысяч до миллиона: помимо того, что в военное время точные данные были недоступны, это искажение могло быть и бессознательной психологической реакцией на ужасы. Но не только. Гроссману, как мне хотелось бы показать, и в документальном жанре были свойственны художественные поэтические приемы. В том числе, и преувеличение. Когда специалисты работают над текстами Средневековья, для того, чтобы извлечь из них факты, они очищают текст, как от кожуры, от обязательных стилистических особенностей той эпохи. Подобным приемом, снимая стилевые наслоения, можно выделить жанровые трансгрессии и в «Треблинском аде». Эти нарушения жанра представлены в тексте теми вставками, функцией которых является вовсе не регистрация фактов, а, например, передача эмоций.

Начало треблинского текста удивительно похоже на первые абзацы романа «Жизнь и судьба» – описание пейзажа в ракурсе приближения к лагерю. Описание пейзажа само по себе – трансгрессия документального жанра, оно находится на грани поэзии и прозы и характерно для традиционных форм больших прозаических жанров, но является чуждым для документальных.

В пятистрочном предложении второго абзаца в тексте «Треблинского ада» семь названий географической местности, т.е. факты берут верх, но ненадолго. В третьем абзаце Гроссман меняет тональность, появляется голос некоего рассказчика – хотя в документальном жанре голос рассказчика совпадает с авторским. А когда Гроссман заводит речь о недавнем прошлом, чтобы передать впечатления первых заключенных, привезенных в 1942 году, он совершает еще один прыжок во времени, сравнивая впечатления заключенных с теми, которые могли возникнуть у проезжающих станцию в мирное время: Должно быть, многим из тех, кого привезли в 1942 году в Треблинку, приходилось в мирное время проезжать здесь, рассеянным

взором следить за скучным пейзажем – сосны, песок, песок и снова сосны, вереск, сухой кустарник, унылые станционные постройки, пересечения железнодорожных путей. И, может быть, скучающий взор пассажира мельком замечал идущую от станции однокольную ветку, уходящую среди плотно обступивших ее сосен в лес⁴⁹.

Ключевое слово «унылое» передает эмоциональный, субъективный подход автора. «Скучный пейзаж» – эта прямая и сухая оценка перечеркивает все художественные элементы лирического стиля и даже романную ситуационность, которая создается благодаря введению фиктивного скучающего пассажира.

К следующей категории трансгрессии, нарушения документального жанра, принадлежит немалое число метафорических размышлений, большинство которых было добавлено в 1958 году. В первом используются поэтизация, сравнения, повторы для градации признака, анафоры, подобно библейским параллелизмам:

[В лагере] как в некоем единстве, существовали черты немецкого характера, искаженные в страшном зеркале гитлеровского режима. Так в бреду горячечного уродливо и искаженно отражаются мысли и чувства, пережитые больным до болезни. Так сумасшедший, действующий в состоянии умопомрачения, в своих поступках искажает логику поступков и замыслов нормального человека. Так преступник творит свои дела, соединяя в ударе молотом по переносице жертвы умелые навыки – глазомер и хватку рабочего-молотобойца – с хладнокровием не человека⁵⁰.

Перечисление выступает также в функции градации: Все эти существа не имели в себе ничего человеческого. Искаженные мозги, сердца и души, слова, поступки, привычки, словно страшная карикатура, напоминали о человеческих чертах, мыслях, чувствах, привычках, поступках⁵¹.

---

⁴⁹ Гроссман В. Треблинский ад // На еврейские темы: Избранное в двух томах. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. С. 144– 190.

⁵⁰ Там же

⁵¹ Там же

Этот список – вариант классического эпического каталога, но не только сухой список. Хотя в перечне лагерей и создается градация, слова передают сухую информацию, а «человеческий» лексический ряд подчинен логике художественного выбора:

К весне 1942 года почти все еврейское население Польши, Германии, западных районов Белоруссии было согнано в гетто. В этих гетто – варшавском, радомском, ченстоховском, люблинском, белостокском, гродненском и многих десятках других, более мелких – были собраны миллионы рабочих, ремесленников, врачей, профессоров, архитекторов, инженеров, учителей, работников искусств, людей нетрудовых профессий, все с семьями, женами, дочерьми, сыновьями, матерями и отцами⁵².

Третий вид трансгрессии – пафос, а иногда морализация: И сегодня перед общественной совестью мира, перед глазами человечества мы можем последовательно, шаг за шагом пройти по кругам треблинского ада, по сравнению с которым

Дантов ад – безобидная и пустая игра сатаны⁵³. В некоторых из этих трансгрессий чувствуется переключка с романом «Жизнь и судьба», как бы его подготовительная фаза. Самая внушительная из трансгрессий — часть, в которой частично описывается происходившее в газовой камере, отрывки, которые и перейдут потом в роман. Знаменитый эпизод романа, в котором голые тела сливаются в одно целое, находится в начале «Треблинского ада», в сцене приезда: И все эти тысячи, десятки, сотни тысяч людей, спрашивающих испуганных глаз, все эти юные и старые лица, чернокудрые и золотоволосые красавицы, горбатенькие и сутулые, лылые старики, робкие подростки – все это сливалось в едином потоке, поглощающем и разум, и прекрасную человеческую науку, и девичью любовь, и детское недоумение, и кашель стариков, и сердце человека⁵⁴.

---

⁵² Гроссман В. Треблинский ад // На еврейские темы: Избранное в двух томах. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. С. 144– 190.

⁵³ Там же

⁵⁴ Там же

Описание самой газовой камеры появляется в тексте заметно позже, и в нем отчетливо видны главные мотивы будущей романной сцены, самый важный из которых – мотив материнства. Схожа в них и та экспериментальная нарративная трансценденция, в которой голос автора соединяется с жертвами-участниками. Найдем ли мы в себе силу задуматься над тем, что чувствовали, что испытывали в последние минуты люди, находившиеся в этих камерах? Известно, что они молчали. В страшной тесноте, от которой ломались кости и сдавленная грудная клетка не могла дышать, стояли они один к одному, облитые последним, липким смертельным потом, стояли, как один человек. Кто-то, может быть мудрый старик, с усилием произносит: «Утешьтесь, это конец». Кто-то кричит страшное слово проклятия... И неужели не сбудется это святое проклятие... Мать со сверхчеловеческим усилием пытается расширить место для своего дитяти – пусть его смертное дыхание будет хоть на одну миллионную облегчено последней материнской заботой. Девушка костенеющим языком спрашивает: «Но почему меня душат, почему я не могу любить и иметь детей?» А голова кружится, удушье сжимает горло. Какие картины мелькают в стеклянных, умирающих глазах? Детства, счастливых мирных дней, последнего тяжкого путешествия? Перед кем-то мелькнуло насмешливое лицо эсэсовца на первой площади перед вокзалом. «Так вот почему он смеялся». Сознание меркнет, и приходит минута страшной, последней муки... Нет, нельзя представить себе того, что происходило в камере...⁵⁵.

Здесь о документации не может быть и речи. В документальном эссе рассказчик может являться частью текста (Гроссман-фронтовик, участник войны). Но в этом отрывке рассказчик как бы оказывается среди описанных им персонажей. В документальном тексте действие – историческое, а рассказчик – сам автор, участник войны, и трансгрессия из реальной жизни в смерть, хотя и в реальную, но недоступную для взора живых, является

---

⁵⁵ Гроссман В. Треблинский ад // На еврейские темы: Избранное в двух томах. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. С. 144– 190.

серьезным вторжением автора в описываемый им мир, трансцендентальным шагом, возможным лишь в воображении. Обычно такое происходит только в художественной литературе, где события по определению не должны быть реальными. А в документальной публицистике такое нарушение шокирует читателей. Этот смелый нарративный шаг у Гроссмана был продиктован, по всей вероятности, его памятью о матери и состраданием, а также чувством вины, что он ее не спас⁵⁶.

Текст «Треблинского ада» был дополнен Гроссманом в 1958 году, т.е. окончательный вариант готовился параллельно с текстом романа «Жизнь и судьба». Однако приведенные выше строки о газовой камере были написаны в 1944 году, значит, именно из них за 10–15 лет выросли самые сильные страницы романа.

Но какая же нарративная канва в романе Гроссмана? Действие романа нельзя назвать ни единым, ни сквозным, несмотря на безупречное соблюдение, например, хронологии. Именно эта характерная черта документального романа, хронологичность, выдерживается в течение всего текста, несмотря на большое количество параллельных сюжетных линий и эпизодов.

Роман пронизан документальными приемами, и в этой трансгрессии я предлагаю видеть не нарушение, а сознательный формообразующий элемент, подобно тому, как треблинский документальный текст был обогащен литературными приемами, не свойственными документальным жанрам. Это – продуктивная особенность гроссмановской прозы, при помощи которой он отдалается от официозного соцреализма, где ключевыми понятиями литературы в частности и искусства вообще объявлены «правда» и «правдивость изображения». На этих ключевых понятиях я и сосредоточу свое внимание во второй части статьи. Гроссман в письме к Хрущеву, в котором просит освободить свой конфискованный роман, ссылается именно

---

⁵⁶ Хетени Жужа Достоверность нереального: столкновение факта и правды в жанровых трансгрессиях Василия Гроссмана («Треблинский ад», «Жизнь и судьба»)/Гроссмановский сборник. Наследие современного классика. Милан, 2016. С. 267

на правдивость своего романа как на главный аргумент его литературной ценности. Ключевое слово «правда» в этом письме повторено 12 раз: ...я не пришел к выводу, что в моей книге есть неправда. Я писал в своей книге то, что считал и продолжаю считать правдой, писал лишь то, что продумал, прочувствовал, перестрадал⁵⁷.

...мысли писателя, его чувства, его боль есть частица общих мыслей, общей боли, общей правды.

«Жизнь и судьба» не противоречит той правде, которая была сказана Вами, что правда стала достоянием сегодняшнего дня...

Книга, написанная писателем, не есть прямая иллюстрация к взглядам политических и революционных вождей.

Литература не эхо, она говорит о жизни и о жизненной драме по-своему.

Тургенев во многом выразил любовь русских людей к правде, свободе, добру.

Но дело тут не в слабости моего таланта. Дело в праве писать правду, выстраданную и вызревшую на протяжении долгих лет жизни.

Почему же на мою книгу, которая, может быть, в какой-то мере отвечает на внутренние запросы советских людей, книгу, в которой нет лжи и клеветы, а есть правда, боль, любовь к людям, наложен запрет..⁵⁸.

Если моя книга – ложь, пусть об этом будет сказано людям, которые хотят ее прочесть. Если книга моя – клевета, пусть будет сказано об этом. Пусть советские люди, советские читатели, для которых я пишу 30 лет, судят, что правда и что ложь в моей книге. Иными словами, мне было предложено говорить неправду.

Методы, которыми все происшедшее с моей книгой хотят оставить в тайне, не есть методы борьбы с неправдой, с клеветой. Так с ложью не борются. Так борются против правды.

---

⁵⁷ Хетени Жужа Достоверность нереального: столкновение факта и правды в жанровых трансгрессиях Василия Гроссмана («Греблинский ад», «Жизнь и судьба»)//Гроссмановский сборник. Наследие современного классика. Милан, 2016. С. 267

⁵⁸ Там же

...отбирают у него книгу, пусть полную несовершенства, но написанную кровью его сердца, написанную во имя правды и любви к людям...

Нет смысла, нет правды в нынешнем положении...

Я по-прежнему считаю, что написал правду, что писал я ее, любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободы моей книге.

Заключение

В данной работе предпринята попытка рассмотреть основные аспекты развития военной журналистики на примере очерка В. Гроссмана «Треблинский ад».

В ходе изучения источниковой и монографической литературы были получены некоторые выводы и умозаключения.

Известно, что победа достигается не только оружием, но и политическим воздействием на народные массы. В целях организации отпора врагу политическое руководство Советского Союза перестроило систему идеологической работы. Ее главной задачей стало сплочение фронта и тыла, людей всех национальностей, классов и социальных групп во имя Победы. На вооружение были взяты все средства идеологического и духовного влияния на армию и население.

Особое место среди них занимала центральная печать – общественно-политические, военные, отраслевые газеты и журналы, имевшие общесоюзное значение, издававшиеся центральными и государственными органами и общественно-политическими организациями. Особо возросла роль печатного слова в условиях быстро меняющейся обстановки на фронтах, потери огромных территорий, массового перемещения фабрик и заводов на восток страны.

В центре внимания газетных материалов, посвященных работе отраслей промышленности, был человек труда. Это отражается даже в названиях газет: «За коммунистический труд» (Завод аэродромного оборудования), «За советский карбюратор». Многие газеты выпускались без перерыва в течение всей Великой Отечественной войны, например, «Куйбышевский станкозавод», «Колхозная жизнь» (Куйбышевский район), «Путь к коммунизму» (Камышлинский район). В годы войны отрабатывались пропагандистские приемы освещения многочисленных форм соревнования, трудовых починов, ударничества. Всесоюзное социалистическое

соревнование под боевым лозунгом «Все для фронта!» стало одной из главных тем печати в 1942 году. В ходе соревнования труженики тыла брали на себя обязательство работать для нужд фронта с еще большим напряжением. Обязательства трудящихся обсуждались в производственных коллективах, становились законом для каждого работника промышленности и сельского хозяйства. Трудящиеся посылали письма в редакции газет.

В журналах того времени печатались статьи с новыми достижениями в промышленности, машиностроении. Выдвинутый партией лозунг «Все для фронта, все для победы!» лег в основу всех газет, журналов, всех печатных органов, призывавших тружеников промышленности не жалеть сил для обеспечения победы над врагом. В течение всей войны выходили журналы «Вестник электропромышленности» (1942–1945), «Вестник машиностроения» (1942–1945), «Вестник связи» (1941–1945), «Железнодорожный транспорт» (1942–1945). Многие из этих журналов выходят и сейчас. В журнале «Вестник связи» за 1943 год опубликована статья «Восстановление хозяйства связи в освобожденных областях – дело всех связистов тыла», где звучит призыв: «Каждый связист, работающий в тылу, должен считать для себя делом чести принять активное участие в восстановлении хозяйства связи областей, освобожденных от немецкой оккупации».

Журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Волга» и другие переориентировались на военную тематику. В них были опубликованы: «Брусилловский прорыв» С. Сергеева-Ценского (1942), «Два капитана» В. Каверина (1944), «Это было в Ленинграде» А. Чаковского (1944), «Сын полка» В. Катаева (1945), «Небо Ленинграда» В. Саянова (1944), «За тех, кто в море» Б. Лавренева (1945) и многие другие произведения художественной литературы. Многие писатели стали постоянными корреспондентами центральных и местных газет. В газете «Правда» в июле 1943 года опубликована пьеса К. Симонова «Русские люди», в августе – «Фронт» А. Корнейчука, в сентябре – главы поэмы

«Василий Теркин» А. Твардовского, в октябре – «Алексей Куликов, боец» Б. Горбатова, в ноябре – рассказы из книги «Морская душа» Л. Соболева. В последующие годы «Правда» печатает главы нового романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» (май 1943 – июль 1944), «Непокоренные» Б. Горбатова (май, сентябрь, октябрь 1943), «Дорогами побед» Л. Соболева (май – июнь 1944), главы повести Л. Леонова «Взятие Великошумска» (июль – август 1944) и др.

Собственно говоря, все очерковое творчество Гроссмана 1943—1945 годов составляет своеобразные циклы, соответствующие крупным сражениям войны. Один из них так прямо и называется «Дорога на Берлин» и содержит четыре очерка, имеющих дополнительные подзаголовки: «Москва — Варшава», «Между Вислой и Одером», «В провинции Бранденбург», «Сила наступления».

Начав войну штатским «несмышленишем», Гроссман закончил ее крупным и вдумчивым журналистом, способным создавать такие аналитические очерки, как «Мысли о весеннем наступлении», «Стратегия победы» и огромный, печатавшийся в пяти номерах газеты очерк «Советский офицер».

Значимое место среди многообразия писателей занимал В. Гроссман и его очерк «Треблинский ад». Очерк «Треблинский ад» — о немецком лагере уничтожения. То было первое по-журналистски скрупулезное и по-писательски пронзительное свидетельство о дьявольском механизме истребления людских масс. В виде брошюры очерк распространялся на Нюрнбергском процессе.

Текст «Треблинского ада» был дополнен Гроссманом в 1958 году, т.е. окончательный вариант готовился параллельно с текстом романа «Жизнь и судьба». Однако приведенные выше строки о газовой камере были написаны в 1944 году, значит, именно из них за 10–15 лет выросли самые сильные страницы романа.

Роман пронизан документальными приемами, и в этой трансгрессии видят не нарушение, а сознательный формообразующий элемент, подобно тому, как треблинский документальный текст был обогащен литературными приемами, не свойственными документальным жанрам. Это – продуктивная особенность гроссмановской прозы, при помощи которой он отделяется от официозного соцреализма, где ключевыми понятиями литературы в частности и искусства вообще объявлены «правда» и «правдивость изображения».

Таким образом, «Треблинский ад» В. Гроссмана является ярчайшим примером военной тематики в отечественной журналистике.

Список используемой литературы

1. Mattogno C., Graf J. Treblinka: Extermination Camp or Transit Camp? / Trans. by Belser R. Holocaust Handbook Series. Vol. 8. Chicago: Castle Hill Publishers, 2004.
2. Андреев В. Народная война. М. : Воениздат, 1959. 456с
3. Батов П. И. В походах и боях. М. : Воениздат, 1962. (Военные мемуары). 678с
4. Бочаров А. Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. — М.: Советский писатель, 1990. 384 с.
5. Волковский, Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб.: Полигон, 2003.456с
6. Гроссман В. Треблинский ад // На еврейские темы: Избранное в двух томах. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990. С. 144– 190.
7. Жирков Г. В. Одухотворенное слово: журналистика Великой Отечественной войны: учеб. пособие по истории русской журналистики 1939–1945 годов / Г. В. Жирков. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. С. 15-19
8. Журналисты на войне. М. : Воениздат, 1966. С. 34
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М. : Политиздат, 1985.890с
- 10.Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. пособие, хрестоматия. М. : Флинта, Наука, 2002. 567с
- 11.Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С. 56
- 12.Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. матер.: в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 3. М. : Госюриздат, 1960.896с

13. О партийной и советской печати: сб. докум. М. : Правда, 1954. С. 484–485
14. Огненные годы: публицистика Великой Отечественной войны . Л. : Лениздат, 1985. 567с
15. Октябрь. 1942. № 10. С. 112
16. Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг.: письма бойцов /сост. П. Шамес. М. : Гослитмузей, 1946. 456с
17. Правда. 1941. 17 июля
18. Решения партии о печати: Сборник. М., 1941. С. 189-191
19. Симонов К. Лагерь уничтожения // Красная звезда. 10, 11 и 12 августа 1944. № 189. С. 3; № 190. С. 3; № 191. С. 3.
20. Советская военная печать: ист. очерк / под ред. И. А. Портянкина. М. : Воениздат, 1960. 678с
21. Солдаты слова: рассказывают ветераны советской журналистики. М. : Политиздат, 1976. 345с
22. Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6-ти т., т. 6. М., 1983, с. 608
23. Хетени Жужа Достоверность нереального: столкновение факта и правды в жанровых трансгрессиях Василия Гроссмана («Треблинский ад», «Жизнь и судьба»)//Гроссмановский сборник. Наследие современного классика. Милан, 2016. 678с
24. Эренбург И. Глазами Василия Гроссмана//Литературная газета. 1946. 23 февраля